

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИКИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ НИЛЬСА БОРА

«Народность, или национальность есть положительная сила, и каждый народ по особому характеру своему назначен для особого служения. Различные народности суть различные органы в целом теле человечества».

В. Соловьев

Диалектика национального и всечеловеческого включает два плана: отношения между нациями (отношение к своему иному) и отношение национального к общечеловеческому (отношение к более общему «своему иному»). Первые отношения регулируются принципом равенства и т. н. принципом относительной приоритетности (малой) коренной нации на своей исконной территории¹. Второе отношение фундируется принципом безусловного приоритета общечеловеческого.

Жизнь показала актуальность конкретизации и дальнейшей теоретической проработки всего комплекса указанной проблематики. На мой взгляд, идея дополнителности Н. Бора и ее наработка (принцип «циркулярной» дополнителности фон Вайцзеккера) являются в этом плане эвристичными².

Сам Н. Бор сознавал общее значение своей идеи, постоянно уточнял ее содержание и возможную сопричастность уяснению проблемы соотношения национальных культур и этих последних к общечеловеческой культуре («непредубежденная точка зрения»): «Главными препятствиями для непредубежденной точки зрения на отношение между разными человеческими культурами являются, однако, глубоко коренящиеся

* Eesti Teaduste Akadeemia Filosoofia, Sotsioloogia ja Oiguse Instituut (Институт философии, социологии и права Академии наук Эстонии). 200105 Tallinn, Estonia pst. 7. Estonia.

¹ В этой связи В. И. Ленин отмечал необходимость соблюдения не только формального равенства, но и возмещения со стороны большой нации того неравенства, «которое складывается в жизни фактически» (Полн. собр. соч., 45, 359). В будущем, при государственной самостоятельности эстонский народ (нация) — как малый народ по отношению к русскому, английскому, немецкому и другим большим народам — будет в то же время большим народом на своей земле, и поэтому «фактическое неравенство» в определенных условиях будет относиться к людям некоренных наций, живущих в Эстонии. В этой связи характерна трактовка проф. Р. Н. Блюмом проблемы государственного языка в Эстонии: «Но дело в том, что в условиях нашей империи русские не составляют меньшинства, а практически являются господствующей нацией [...]. Поэтому эстонцы вправе, обязаны защищать свой язык от экспансии языка большой нации».

Другое дело было бы, если бы Эстония стала самостоятельным государством. Тогда введение государственного языка означало бы нарушение принципа равенства и демократических свобод. Требование «никаких привилегий ни одному из языков» было бы разумным и справедливым» (Политический дневник профессора Блюма. — Политика, 1990, 9, 53. Запись от 30 января 1989 г.).

² Применимость методологии дополнителности за пределами физики совсем недавно высоко оценил акад. А. Б. Мигдал: «В других областях идея дополнителности на первый взгляд кажется почти тривиальной. Однако ее ценность доказывается тем, что она помогает в поисках направления развития...» (См.: Вопр. философии, 1990, № 1, 17.). Полное изложение концепции дополнителности см. в монографиях: Алексеев И. С. Концепция дополнителности (историко-методологический анализ). М., 1978; Хютт В. П. Концепция дополнителности и проблема объективности физического знания. Таллинн, 1977; Дюлидзе М. Г. Дополнителность как общеполитический принцип. Тбилиси, 1989.

различия между традициями, составляющими тот фон, на котором основывается культурная гармония в разных человеческих обществах; эти различия и исключают всякое простое сравнение между такими культурами.

Главным образом именно в связи с этим точка зрения дополнительной выступает как средство справиться с положением»³ (выделено мною — В. Х.).

Поставленная Н. Бором проблема лежит в русле фундаментальной концепции относительности культур вообще, которая имеет более чем полуторавековую традицию. Корни концепции восходят к работам выдающегося немецкого лингвиста В. фон Гумбольдта. В одной из своих статей 1835 г. он формулирует принцип относительной субъективности культуры, реализующейся на данном национальном языке, следующим образом: «...каждый язык образует вокруг народа свою сферу, которую надобно оставить, чтобы перейти в подобную сферу другого народа»⁴; это будет переход к «новой точке мирозерцания». В. фон Гумбольдт считал, что преодоление изначальной «субъективности» национальной культуры возможно на путях выхода к иной культуре (или с точки зрения иной культуры). Такой переход к «новой точке мирозерцания» позволяет высветить объективную основу относительной субъективности культуры «изнутри самой себя»⁵. Таким образом он подходил к идее необходимой взаимности внутренней («изнутри») и внешней точек зрения на возможно полное и адекватное осмысление национальной культуры.

В дальнейшем эта проблема получила свое развитие в связи с принципом лингвистической относительности Сепира—Уорфа (1930—1950-е годы). Известный советский лингвист В. А. Звегинцев считает, что идеи Сепира—Уорфа в работах видного немецкого лингвиста Л. Вайсгербера «воплощают принцип дополнительной в более полном виде, чем это сделал... даже сам Нильс Бор, который также пытался перевести его на языковую почву»⁶. Современное развитие эта проблематика получила в статье акад. Я. К. Ребане⁷, на некоторые выводы которого мы опишемся в дальнейшем.

1. Национальная идея и «приоритеты»

Недостаточность простого сравнения национальных культур Н. Бор иллюстрировал тем чувством потрясения, которое испытывают специалисты, как бы прозревая неожиданную и удивительную внутреннюю гармонию, «которую человеческая жизнь может представить даже при условиях и традициях, радикально отличных от их собственных» (с. 287). В идее дополнительной он видел один из механизмов преодоления своих национальных предубеждений и предрассудков при встрече с иной национальной идеей. Последняя базируется на чуждых тради-

³ Бор Н. *Философия естествознания и культуры народов*. — Избр. науч. труды, II. М., 1971, 286—287. Далее в тексте цитаты из сочинений Н. Бора даются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁴ Гумбольдт В. фон. *О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода*. СПб, 1859, 57.

⁵ Там же, 264.

⁶ Звегинцев В. А. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. М., 1968, 33.

⁷ Ребане Я. К. *Концепция научных революций Т. Куна и релятивизм*. — Уч. зап. Тартуск. ун-та, вып. 404. Труды по философии XIX. Тарту, 1977, 50—61. В этой статье рассматриваются основные общие черты релятивистского подхода в таких сферах, как изучение культуры (англо-американская «культурная антропология»), человеческого познания (социология познания К. Манхейма и его сторонников), лингвистический релятивизм (концепции Сепира—Уорфа, Л. Вайсгербера) и науковедческий релятивизм (концепция Т. Куна). Принцип релятивизма, по мнению автора, должен быть дополнен выявлением общности и инвариантов в каждой из изучаемых сфер.

циях и обычаях, на их трансляции и упрочении при помощи национально-этнических древних символов и образов⁸.

Национальная идея, обеспечивающая «внутреннюю гармонию» иной (для нас) жизни, представляет собой «живую земную силу», согласно которой «для каждого народа общий принцип национальностей воплощается лишь в его собственной особой народности, требующей исключительного служения», и ставит это служение своей народности «как высшую цель»⁹. Идея в качестве основы нации в ее исходном пункте этнообразования обладает исключительной устойчивостью, служит истоком национального самосознания¹⁰.

Национальная идея как исток, основа и фундатор жизнедеятельности этноса обосновывает принцип приоритета нации на своей исконной территории. Этот приоритет касается вопросов языка, культуры и т. п. и носит, на наш взгляд, относительный, не всеобъемлющий характер. Он подчинен известному принципу приоритета общечеловеческих ценностей, который выступает в качестве абсолютного. Однако привычное понимание соотношения общечеловеческого и национального на основе механизма «формы проявления» уточняется и конкретизируется не только в плане соотношения абсолютного и относительного. Специфическая черта этнонационального, подмеченная В. С. Соловьевым в качестве приоритета исходной точки зрения, позволяет раскрыть его содержание как такой атрибутивной формы проявления общечеловеческого, которая не только включает в себя положительное содержание изначально заданной общечеловеческой тенденции, но и обладает по отношению к этой тенденции равноправной самостоятельностью, имеет свою «правду» и свое (относительное) первенство.

Данное типично «дополнительностное» отношение между абсолютно-общечеловеческим и относительно-национальным тонко подметил известный эстонский философ проф. Р. Блюм, недавно безвременно ушедший из жизни: абсолютность общечеловеческого он формулировал как «приоритет общечеловеческих, гуманистических ценностей над ценностями только национальными» (выделено мною — В. Х.)¹¹. Эта незаметная тонкость (слово «только»!) казалось бы не несет особой нагрузки. Но именно в ней — суть проблемы, ибо подобного рода «тонкости» в

⁸ По словам В. Гейзенберга, Н. Бор утверждал, что подобные древние образы «обладают такой силой, что даже столетия спустя формируют жизнь людей, без всяких писанных правил и без внешнего принуждения» (*Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть I и целое. М., 1989, 183). При этом Н. Бор добавил, что вопрос о действии древних прообразов «для меня серьезнее, чем Вы, пожалуй, думаете». В. Гейзенбергу ничего не оставалось, как только согласиться с Н. Бором (там же, 185).

⁹ *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России. Вып. 1. — Соч., в 2-х томах, I, М., 1989, 280. В этой связи В. С. Соловьев подчеркивал, что «за своим народом остается неизменное первенство исходной точки зрения» (*Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия. — Соч., I, М., 1988, 378).

¹⁰ Выразитель национальных идей эстонского народа пастор Я. Хурт в 1899 г. отмечал, что эстонцам не стоит бояться обрусения, так как они имеют «против стрел панславизма более сильную броню, чем немецкое образование». (Цит. по журналу: *Akadeemia (Tartu)*, 1989, пг. 8, 1781.) Акад. Я. Ребане обращает внимание на различный смысл, вкладываемый в термин «русификация». Он отмечает, что «русификаторская политика, осуществлявшаяся в конце прошлого века царским правительством, освещалась нашими историками слишком робко». В новой, современной ситуации под русификацией понимается «не ассимиляция эстонской нации, не растворение ее в русском народе, а такие явления, как всевластие общесоюзных ведомств, необычайный наплыв в Эстонию переселенцев, сужение сферы применения эстонского языка» (*Ребане Я.* Основные черты национальных процессов в Советской Эстонии. — В кн.: Эстония: о том, что волнует... Таллинн, 1989, 36). Эстонский геолог акад. А. Раукас отмечает, что эстонцам удалось сохранить свои позитивные черты, которые они пронесли через тысячелетия, так как «древности эстонских племен еще трехтысячелетней давности ясно различаемы от соседних» (*Raukas, A.* *Kui kaua me oleme elanud sellel maal?* — Reede, 1990, 16. veebr., 13).

¹¹ *Блюм Р.* Состояние межэтнических отношений в Советском Союзе в настоящее время. — Тартуский курьер, 1989, 1—15 ноября, 7. (Публикация А. А. Архиповой.)

таким «деликатным» вопросе имеют чуть ли не решающее значение! Акад. Я. Ребане при анализе содержания национального в его отношении к приоритетности общечеловеческого вполне определенно отмечает представленность момента абсолютности в национальном: поскольку общечеловеческое только и может осуществляться через национальное, постольку приоритет первого значим лишь в принципе и пора в национальном «начинать видеть представительство общегосударственных интересов, мощное средство прогресса всего общества»¹².

2. Диалектика дополнителности и национальные культуры

Новый, боровский тип диалектики взаимоотношения национальных идей и этих идей с идеалами общечеловеческими характеризуют три момента: а) ситуация дополнителности, б) отношение дополнителности и в) т. н. «циркулярная» дополнителность.

2.1. Символизм этносознания и ситуация дополнителности

Основой применения методологии дополнителности к толкованию взаимоотношения этнокультур служит неожиданная аналогия между квантовым явлением (т. е. квантовомеханическим описанием физической реальности) и согласованным в себе символизмом (этнического) самосознания. Оба — квантовое явление и самосознание — выступают как феномены, требующие особого метода (феноменологического подхода) при их теоретической реконструкции.

Так, Н. Бор отмечал уникальную черту целостности, неделимости физического явления в новой, атомной области: описание явления требует целостного подхода в том смысле, что должна учитываться целостность постановки эксперимента от начала и до конца (причем разные «окончания» ведут к разным следствиям). Далее, явление невозможно бесконечно дробить, подразделять, как бы «подставляя» под него какую-либо классическую модель и сводя к ней суть дела (неделимость). Классические модели необходимы, но они неадекватны существу физического явления. Требуется особая комбинация классических представлений для снятия неадекватности и противоречивости описания.

В полной мере это относится к этническому самосознанию и символизму, как объекту изучения с позиций иной культуры. Последняя также изначально неадекватна «внутренней гармонии» другого, изучаемого этноса. Но эта позиция необходима, ибо другой, «надкультурной» позиции просто не существует (она может быть построена только в результате)¹³.

С точки зрения их теоретической реконструкции, оба объекта суть феномены. Феноменом (в данном случае) называется такое явление, за которым (в противоположность обычной философской традиции) не предполагается наличие какой-либо сущности. Эта сущность или «забыта» (т. е. находится как бы за Бытием, не имеет отношения к делу), или ее реконструкция в этом направлении неадекватна и невозможна (противоречива). Феномен демонстрирует самое себя, а не что-то за ним скрытое. Но эта «самодемонстрация», воспринимаемая с чуждых, не-

¹² Ребане Я. Основные черты национальных процессов в Советской Эстонии. — Учебный курс системы партобразования «Проблемы развития национальных процессов и национальных отношений, тема 3». Таллинн, 1989, 50.

¹³ Н. Бор отмечает, что «цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также и человеческих культур представляют черты целостности, отображение которых требует типично дополнительного способа описания». И далее, по мере снятия неадекватности смысла и значения понятий все более отчетливо выступает обстоятельство, что здесь мы имеем дело «не с более или менее туманными аналогиями, а с отчетливыми примерами логических связей, которые в разных контекстах встречаются в более широких областях знания» (с. 532). Это и образует ситуацию дополнителности.

адекватных позиций, представляется «неправильной», ложной¹⁴. Исследователь попадает в особую теоретико-познавательную ситуацию, ситуацию дополнительности.

Н. Бор считал, что в такое положение попадает наше самосознание в процессе последовательной рефлексии над самим собой: и затем я начинаю думать о моем думании об этом, снова я думаю о том, что я думаю о моем думании об этом, и подразделяю себя на бесконечную последовательность «Я», наблюдающих одна другую. Я не знаю, которое из «Я» реально, чтобы на нем остановиться...¹⁵

Ситуация характеризуется тем, что «настоящее Я» последовательно ускользает от сознания, но явно наличествует «за спиной сознания». Оно является феноменом, не поддающимся непосредственному теоретическому воспроизведению. При этом: 1) способ и условия теоретического воспроизведения этого феномена уничтожают сам способ его существования в качестве непосредственной данности; 2) воспроизводство этих условий, наоборот, предполагает наличие самого этого объекта (самосознания) и, следовательно, каких-то представлений (наперед установленных знаний) о нем; следовательно, 3) теоретическая реконструкция такого «предмета» требует особых гносеологических процедур. Такие «предметы» называются метапредметами. Примером может служить смерть (как угасание самосознания, но не как медицинский факт) или язык (действительно, сама проблема описания возникновения языка указывает на ситуацию дополнительности: «Мы не можем восстановить язык как девственный факт, перед которым не было языка, а потом язык появился, как нечто действенное»¹⁶). К таким феноменальным метаобъектам принадлежит также и иное национальное самосознание, самосознание другой культуры. Сама по себе гносеологическая ситуация дополнительности (как позиция саморефлексии многих «Я») известна в философии со времен И. Г. Фихте и была анализируема немецким философом в качестве основы онтологической рефлексии самосознания¹⁷. Но только Н. Бор увязал эту проблему с реальным процессом познания и физического описания квантовых явлений и наметил методологию теоретической реконструкции подобного рода метаобъектов на основе отношения дополнительности разнородных систем описаний.

2.2. Дополнительность и отношение национальных самосознаний и культур

Технологию постижения метаобъекта Н. Бор разработал на примере физико-теоретического понимания квантовых явлений на основе «прин-

¹⁴ М. Хайдеггер возводит понятие феномена к древнегреческому глаголу «*ῥαίνομαι*», что означает «самое себя показывать», «делать себя видимым», «ставить в свет бытия», «делать себя открытым». Поэтому понятие феномена означает «себя-из-самого-себя-показывающее». Однако эта самодемонстрация выступает (именно в силу чуждости этой «самости» для чего-то иного) в форме видимости, кажимости и противопоставляется как «мнение» сокрытой истине («докса» — «алетей»). См.: *Heidegger, M. Sein und Zeit. Tübingen, 1967, 28.*

¹⁵ Н. Бор взял это описание из рассказа датского писателя П. Мёллера. Но еще Л. Толстой описывал в точности аналогичную ситуацию в 1854 г.: «Часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадал в безвыходный круг анализа своих мыслей, я не думал уже о вопросе, занимавшем меня, а думал о том, о чем я думал. Спрашивая себя: о чем я думаю? — Я отвечал: я думаю, о чем я думаю. А теперь о чем я думаю? Я думаю, что думаю, о чем думаю, и так далее. Ум за разум заходил» (Собр. соч., I. М., 1987, 198).

¹⁶ *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Три беседы о метатеории знания. — Уч. зап. Тартуск. ун-та, вып. 284. Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971, 349.*

¹⁷ Об онтологическом типе рефлексии см.: *Хютт В. П. Рефлексия как методологический прием. — В кн.: Наукоеведение в наши дни. (К VI республиканской конференции по наукоеведению.) Таллинн, 1989, pp. 2 и 4. Показано, что именно И. Г. Фихте поставил вопрос о «работе с сознанием» как проблему онтологии сознания в смысле, близком феноменологическому.*

ципа дополнительности» (сам Н. Бор предпочитал говорить не о «принципе», но о «точке зрения», «аргументе дополнительности», подчеркивая новый поворот в направлении рассуждений, радикальный отход от классической точки зрения).

Первым шагом на этом пути является такая переориентация сознания исследователя, которая в европейской культурной традиции получила названия «отстранения» от мира и «остранения» его (термин-понятие Б. Брехта — сделать мир *странным*). Сам Н. Бор, конечно, не знал об этих традициях — просто состояние культуры было конгениально самой проблематике нового способа физического познания (мировоззрения). Отстранение от классического физического мира (физической реальности) и остранение квантового явления (как феномена) позволяли правильно определить направление исследования — учесть «странность» и возможную «внутреннюю гармонию» иного явления. Он подчеркивал, что проникновение в эту гармонию начинается с «чувства головокружения». Этим маркируется переход в новое состояние сознания, которое М. Хайдеггер обозначал в качестве феноменологического поворота, а советский философ М. К. Мамардашвили определяет как «свидетельское сознание»¹⁸.

При помощи отстранения и остранения мы как бы начинаем прозревать необычную суть феномена, начинаем чувствовать ценности и символы иной национальной культуры. Так, к примеру, для русских слово «товарищ» по отношению к женщине стало привычным, но как себя чувствует эстонец в контексте явного насилия над родным языком при аналогичном употреблении слова *seltsimees?* Дословно оно передается по значению слов *selts* (союз, общество) и *mees* (мужчина) — «мужчина данного сообщества» (по-русски это звучит приблизительно как «свой мужик»). Далее, русские иногда иронизируют по поводу «поющей революции» в Эстонии, не чувствуя того обстоятельства, что в эстонской культурной традиции феномену пения, песне придается иное, более фундаментальное значение в области символизма национального самосознания. (Так, лингвисты свидетельствуют, что первым (и единственным!) предложением на эстонском языке, сохранившимся с XIII столетия, является: «*Laula, laula, rappi*»¹⁹.)

Решающей в методологии Н. Бора является формулировка особого метода описания (теоретической реконструкции) феноменальных явлений. Суть идеи дополнительности (принципа дополнительности) в физическом познании состоит в том, что для исчерпывающего описания существенно неклассических, квантовых явлений требуются две классические системы понятий, находящиеся в особом отношении между собой: а) системы взаимноисключаемы при попытке

¹⁸ Ученик Н. Бора физик Л. Розенфельд так характеризует этот момент в «дополнительном» стиле мышления Н. Бора: «Он любит подчеркивать в своей мягкой, привлекающей внимание манере, что нельзя пристально смотреть на такие проблемы, не ощущая чувства головокружения. С веселыми искорками в глазах он добавляет, что до тех пор, пока вы не почувствовали головокружения, вы не поняли сути проблемы» (*Розенфельд Л. Нильс Бор. — Вопросы истории естествознания и техники, вып. 17. М., 1964, 11*). Необходимость феноменологического поворота сознания и всего направления исследования впервые была отмечена Э. Гуссерлем (метод «эпохэ» — заключение «в скобки» мира и его первичной действительности). М. Хайдеггер разработал этот метод по отношению к исследованию феноменов социальной жизни (см., напр., его трактовку «историчности» бытия Человека или времени («временности») в первом и основном труде «Бытие и время», 1927 г.). М. К. Мамардашвили так определяет суть поворота: «Перед нами действительно «тени», не имеющие существования (старый, классический мир, или наши старые обычные представления об ином национальном самосознании. — В. Х.), а то, что подозревается как иной мир, иная реальность, и есть та реальность, в которую мы можем попасть лишь через свидетельское сознание» (*Мамардашвили М. К. Проблема сознания и философское призвание. — Вопр. философии, 1988, № 8, 39*).

¹⁹ «Пой, пой, отче.» *Rätsep, H. Eesti keele tekkimise lugu. — Akadeemia, 1989, nr. 7, 1504*.

скомбинировать их в одну-единственную схему; б) каждая из систем в отдельности недостаточна для исчерпывающего (и даже для сколько-нибудь приемлемого) описания; в) только взятые вместе они адекватны сути дела; г) системы эквивалентны — ни одна не более «верна», чем другая. Суть дела — в особой комбинации классических систем описаний для выражения сути неклассического единого феномена.

Перенос отношения дополнительности на взаимоотношение разных культур и их самосознаний требует, по Н. Бору, ряда конкретизаций, уточнений и оговорок.

Во-первых, то «затруднение, которое состоит в том, что трудно оценить культуру одного народа на фоне традиций другого» (с. 495), снимается методологией остранения и отстранения: ищутся «странные» смысловые точки в самосознании собственной культуры. Так, упомянутое рассуждение о слове «товарищ» в русском языке наталкивает на возможные «правильные» обращения — гражданка? (слишком официально), сударыня? (старомодно), товарка? (такого слова нет?!) и т. д. А как будет по-эстонски?...

И здесь Н. Бор делает тонкое наблюдение над национальной психологией: невольно закрадывается мысль, что не только по капризу судьбы они «имеют свою особую культуру, а не нашу, а у нас не их культура, а наша собственная» (с. 287). Происходит важный сдвиг в самосознании, ибо такое сомнение, согласно Н. Бору, заключает в себе «измену национальному самодовольству» и определяет исходный пункт прорыва из исходного замкнутого в себе самосознания к феномену иной культуры.

Во-вторых, на основе «остраненных» смысловых точек в собственном поле культурно-языкового смылосознания строятся две разные, но эквивалентные системы описания для постижения похожих (аналогичных, идентичных) феноменов поля культуры. Вырабатывается единый взгляд «на основе взаимоисключающих друг друга представлений» (с. 287). В результате «мы поистине можем сказать, что разные человеческие культуры дополнительны друг другу» (с. 287). Уточняется смысл понятия взаимоисключаемости систем и образов: это взаимоисключение не абсолютное (с. 287), а кажущееся: «Ведь едва ли существует культура, про которую можно было бы сказать, что она полностью самобытна» (с. 288). Эта мысль Н. Бора перекликается с мыслью В. С. Соловьева о том, что враждебное противопоставление национальных культур («идей») «не вытекает из их истинной сущности, а есть лишь временный исторический факт»²⁰. Советский исследователь проблем этноса Л. Н. Гумилев в этом же ключе рассматривает реальный исторический генезис русского национального самосознания: в основе этого процесса лежал «своеобразный вариант идеологии, называемый двоеверием, но удерживающийся в течение веков благодаря потере антагонистических противоречий» (выделено мною. — В. Х.). Именно поэтому «язычество и христианство на Руси проросли друг сквозь друга»²¹, что послужило фундаментом русского этногенеза. Таким образом, отношение, полностью аналогичное дополнительности (дополнительность христианства и язычества в период становления Руси), лежало в основе этногенеза русской нации и соответствующей «русской идеи».

Анализ приведенных Л. Н. Гумилевым данных явно подтверждает эту мысль. Действительно, с одной стороны, язычество («навыи чары»), по Гумилеву, имело свою, но лишь относительную «правду», оно не устояло там, куда христианство не дошло, — у полабских славян. Здесь победили немцы-католики в конце XII в. На Руси же «навыи чары»

²⁰ Соловьев В. С. Национальный вопрос, 326.

²¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989, 342—343.

сыграли для славянского этногенеза хоть и небольшую, но положительную роль» — здесь же замечает Л. Н. Гумилев.

С другой стороны, христианство утвердилось в самобытной форме православия. Великий национальный поэт России А. С. Пушкин (которого Ф. М. Достоевский справедливо определил как живое воплощение русской национальной идеи в ее наиболее отчетливом и выпуклом виде) тонко подметил, что «нравы Византии никак не были нравами Киева» в эпоху принятия христианства на Руси, что кое от чего при принятии христианства славяне-Русь отказались: «Мы приняли от греков Евангелие и предания, но не приняли от них духа ребяческой мелочности и прений» (Письмо А. С. Пушкина П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.). Таким образом, русское национальное самосознание выработалось как самобытный синтез двух дополнительных смысло-мировоззренческих полей культуры — византийского христианства и язычества. В этом обстоятельстве четко просматривается историческое подтверждение действительности, реальности методологических идей дополнительности Н. Бора в области отношений национальных культур.

В-третьих, существенным является требование, чтобы эти по-видимости взаимноисключающие системы смысло-образов и описаний были эквивалентными, равноправными и по отношению к одному и тому же «объекту», каковым является сама жизнь, существование человеческого сообщества (собственно, в этой формуле — «ядро», суть дополнительности). У каждой системы и ее воплощении — своя правда²²... равноценное право на жизнь и истину, ибо только в этой своей форме (которая одновременно является и исходной основой) и реализуется феномен всечеловечности в качестве высшей точки развития самой этой же основы-формы («циркулярная» дополнительность, см. об этом ниже).

Данное обстоятельство — наличие момента абсолютности в относительных эквивалентных формах — имеет как положительную, так и негативную стороны. На положительный момент только что было указано, и он является основой принципа приоритетности, преимущественности и права национальной точки зрения.

Данная положительность воплощается в требовании служения своей народности как высшей цели в исключительных обстоятельствах, когда «дело идет о спасении народной души, и тут каждый народ должен думать только о своем долге, не оглядываясь на другие народы, ничего от них не требуя и не ожидая»²³. Но именно здесь лежит также исходный момент негативности, ибо «по истине же (не по «правде!» — В. Х.) народность не есть высшая идея..., а есть живая сила, природная и истори-

²² Правда и истина — понятия разные. Но момент относительности истины позволяет утверждать ее значимость для национальной, относительной точки зрения в отношении абсолютной, общечеловеческой точки зрения, т. е. в смысле объективного и необходимого заблуждения как неизбежного момента ее самой. Истина становится правдой, когда она задействована в жизни «и этим действием себя оправдывает, становится правдой» (Соловьев В. С. Национальный вопрос, 331). В правде (в противоположность истине) имеется момент оценочного отношения, момент воления: народ за правду, т. е. он требует «согласия между действительной жизнью и той истиной, в которую он верит» (там же, 331).

²³ Соловьев В. С. Национальный вопрос, 273. Несколько ниже автор уточняет свою мысль: «Ибо для каждого народа общий принцип национальностей воплощается лишь в его собственной особой народности, требующей исключительного служения». И именно здесь народы «если и не сталкиваются прямо враждебно, то все-таки не могут быть солидарны между собой» (там же, 280). Известный специалист по национальным отношениям Клар Халлик подчеркивает актуальность данной идеи: «Но вообще-то надо еще разобраться, а что такое «национальный сепаратизм». Если он основан на стремлении нации, народа к самосохранению, то, я думаю, это всегда оправдано» (Разброс интересов слишком велик... Интервью с К. Халлик. — Советская Эстония, 1990, 18 мая).

ческая, которая сама должна служить высшей идее» и этим придавать себе смысл²⁴. Момент негативности проявляется в национализме.

В-четвертых, завершающим, синтезирующим моментом идеи дополнителности является требование самосогласованного единства всех моментов. В физическом познании это единство воплощено в построении квантовой механики как такого единства математического аппарата и его интерпретации, при котором без интерпретации (на основе дополнителности) и не существует теории, адекватная теория квантовых явлений тождественна ее интерпретации (т. н. теории скрытых параметров, в которых собственно теория и ее интерпретация разделены, неадекватны сути дела и внутренне противоречивы). В то же время воплощенное в квантовой теории существенно новое, неклассическое физическое мировоззрение органично связано с классическими теориями и представлениями (т. н. принцип соответствия Н. Бора). (На факт осуществления в квантовой механике нового физического мировоззрения еще в 30-х годах указывал крупный советский физик акад. Л. И. Мандельштам²⁵. Квантовая «неклассичность» настолько велика, что по сравнению с ней теория относительности Эйнштейна вполне следует относить к классике в физике.)

Момент особого синтезирующего единства в концепции дополнителности при ее приложении к национальному вопросу Н. Бор связывал с общей целью всех культур, которая, по его мнению, состоит «в самом теснейшем сочетании справедливости и милосердия» (с. 495). Специфика этого всеединства культур, или национальных самосознаний, состоит в следующем:

а) стороны единства не исключают, но восполняют друг друга так, что идеал слияния культур происходит при «сохранении ценных элементов национальных традиций» (с. 495);

б) каждая из сторон единства сохраняет свое образующее начало и свои особенности, упраздняя лишь антагонизм и исключительность (так, в концепции дополнителности как в физической квантовомеханической теории сохраняется требование необходимости классических понятий и образов в качестве фундирующих элементов нового физического смысла — т. н. принцип Бора);

в) новое единство служит источником общих для всех культур черт развития и ведет к «поднятию человеческой культуры» (с. 495).

Отношение дополнителности — взаимоисключаемость и взаимопредполагаемость, равноправная адекватность и стремление к особому единству сторон — может служить как методологией проникновения в инонациональную ментальность, так и моделью взаимоотношения национальных самосознаний (национальных идей) и соответствующих символических полей культур, а также в качестве одного из возможных типов взаимодействия самих этнокультурных сообществ (последнее — при наличии определенных демографических и других социальных условий).

2.3. Соотношение национального и общечеловеческого: «циркулярная» дополнителность

Рассмотрим в явном виде один из вариантов соотношения этих понятий в духе методологии дополнителности. Это соотношение связано с «циркулярной» дополнителностью Ландау—фон Вайцзеккера

²⁴ Соловьев В. С. Национальный вопрос, 281. Напомню, что национальная правда по существу не противоречит общечеловеческой истине, но, если это в силу обстоятельств происходит, то появляется национализм как «завывающее и хрюкающее воплощение национальной идеи» (там же, 337. Здесь известный философ имел в виду русский национализм в момент его подъема в России в 90-х годах прошлого века).

²⁵ Мандельштам Л. И. Лекции по оптике, теории относительности и квантовой механике. М., 1972, 377.

(К. Ф. фон Вайцеккер предложил сам термин, но Л. Д. Ландау еще раньше указал на физические основы соотношения). Основная фундаментальная идея подобного обращения к особому типу дополнителности в этом контексте навеяна следующим простым соображением. Исследование дополнителности как системы принципов физического познания неизбежно замыкается на «циркулярную» дополнителность как на один из элементов²⁶. И коль скоро отношение дополнителности релевантно соответствующему толкованию национальных отношений, то и этот элемент должен найти свое место в трактовке этого вопроса.

«Циркулярная» дополнителность тесно увязана с упомянутым принципом Бора о необходимости классических понятий и с проанализированным понятием ситуации дополнителности. Физической основой является замечательное соотношение квантовой механики с механикой классической, тонко подмеченное еще в 40-х годах: «Таким образом, квантовая механика занимает очень своеобразное положение в ряду физических теорий — она содержит классическую механику как свой предельный случай и в то же время чуждается в этом предельном случае для самого своего обоснования»²⁷.

Уникальность ситуации состоит в том, что одна и та же физическая теория является и основой, и предельным случаем другой. (Разумеется, в силу специфичности самого объекта теории.) Возникает особое отношение между собственно квантовым описанием (при помощи волновой функции) и классическим описанием. Это отношение, в силу его аналогичности с «нормальной» дополнителностью, немецкий физик К. Ф. фон Вайцеккер и предложил называть «циркулярной» дополнителностью.

«Циркулярное» отношение является следствием ситуации дополнителности и хорошо известно в сфере художественного мышления (особенно в древней восточной традиции). Его «задействование» в физике предоставляет возможность фиксации, точного выражения и развития в контексте рационального осмысления.

Примером «циркулярности» отношения понятий может служить анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон» (1841). (Ниже мы используем и продолжаем анализ В. С. Соловьева.) Незадолго до смерти поэт как бы предвидел обстоятельства своей гибели:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Фиксируя эту исходную ситуацию в качестве основы, поэт развивает далее свою мысль (художественный образ): оказывается, он был не мертв, но «спал мертвым сном» и ему снилась определенная ситуация (веселое застолье), на котором одна женщина не веселилась, но дремала (!) и ей, в свою очередь, тоже снился сон! Что же она видела в своем сне?

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладающей струей.

²⁶ См.: Хютт В. П. Концепция дополнителности, ч. II, 123—124.

²⁷ Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Теоретическая физика, III. Квантовая механика. Нерелятивистская теория. М., 1989, 16.

В. С. Соловьев, разбирая этот стих, пишет: «Лермонтов видел, знает, не только сон своего сна, но и тот сон, который снился сну его сна — сновидение в кубе»²⁸. И здесь он останавливает свой анализ. Для наших целей анализ «Сна» может быть продолжен.

Поразительным в художественном прозрении Ю. М. Лермонтова является не факт «сна в кубе», а то обстоятельство, что исходная реальность («основа») является одновременно следствием («предельным случаем») порожденной этой же самой основой иной ситуации («женщина в застолье»). «Соль» феномена раскрывается в предложении: что будет, если женщина проснется? Древняя восточная мудрость обыгрывает сказанное следующей притчей. Мудрец спал и видел во сне Божественную Бабочку, которая видела его во сне. Он проснулся в ужасе: если бы Бабочка проснулась раньше, то что было бы с его существованием? Возникает вопрос о первичности и способе существования «первичной» реальности — что «на самом деле» основа или предельный случай?

Все изложенное могло бы показаться литературно-философской игрой, если бы не два обстоятельства. Во-первых, данная методологическая ситуация «циркулярной» дополнительности послужила ядром т. н. полифонического стиля художественного мышления, наиболее четко выраженного в творчестве Ф. М. Достоевского²⁹. Во-вторых, ситуация конгеннальна теоретико-познавательной ситуации в физическом познании и задействована в ней. Отсюда следует, что сама идея, заложенная в «циркулярной» дополнительности, может служить методологическим средством понимания сходных проблем.

Сама идея состоит в вопросе первичности («приоритетности»), реальности основы или «предельного случая» при типично дополнительном (см. выше) соотношении между ними. (Все это — в рамках и на основе общего феноменологического подхода к теоретической реконструкции метаобъекта.) Поскольку сфера этнонациональных отношений может быть представлена в виде метаобъекта и охвачена методологическим описанием на основе дополнительности, постольку проблематика и диалектика «циркулярности» могут быть адекватны ей. Действительно, если учесть сказанное выше о соотношении национального и общечеловеческого, то диалектику этих определенностей можно выразить следующим образом: национальное является основой и «предельным», высшим проявлением всечеловеческого («частный случай»)³⁰, и это отношение следует трактовать в духе идей дополнительности Н. Бора. В этом плане новое освещение получают проблемы обоснования (относительного) приоритета и его обоснованность.

В заключение заметим, что диалектика дополнительности на основе идеи Н. Бора и ее разработки в системную методологию имеет значение лишь в случае изменения самого типа диалектики социальных отношений (в том числе в этносоциальной сфере): она связана с требованием перехода от диалектики «снятия» противоположностей (диалектика Ге-

²⁸ Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990, 449. В. С. Соловьев подчеркивает характерную «способность (Лермонтова) переступать в чувствах и созерцании через границы обычного порядка явлений» (там же, 448).

²⁹ См.: Хютт В. П. Концепция дополнительности, 166—179.

³⁰ Аналогичная идея была сформулирована Н. И. Бердяевым в 1946 г. «Одинаково верно утверждение, что культура всегда национально-своеобразна и что существует общечеловеческая культура. Универсально-общечеловеческое находится в индивидуальном-национальном, которое делается значительным именно своим оригинальным достижением этого универсально-общечеловеческого» (Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. — *Вопр. философии*, 1990, № 1, 111).

геля—Маркса) к иному типу диалектического отношения противоположностей (к т. н. диалогической диалектике), суть которых кратко выражена в знаменитом афоризме Н. Бора: *Contraria non contradictoria sed complementa sunt* («Противоположности не взаимоисключающи, но дополнительные»).

Представил Я. Ребане

Поступила в редакцию
6/IX 1990

Vladimir HÜTT

RAHVUSLIK JA ÜLDINIMLIK N. BOHRI KOMPLEMENTAARSUSE DIALEKTIKAST LÄHTUVALT

On vaadeldud rahvuskultuuride omavahelist suhet N. Bohri (1885—1962) komplementaarsuse idee põhjal. Võõras kultuur ja rahvuslik teadvus moodustavad fenomeni, mis nõuab tüüpilist suhtumist N. Bohri komplementaarsuse metodoloogia alusel:

— vältimatu on lähenemisviis meie tavaliste (klassikaliste) kultuuritraditsioonide taustal, see on aga ebaadekvaatne võõra sümbolismi suhtes;

— nõutav on eriline mõttepingutus, et taibata võõra sümbolismi iseärasust ja konstrueerida adekvaatset, tavapäratut (mitteklassikalist) mõistete süsteemi;

— fenomeni terviklik, adekvaatne lahtimõtestamine on võimalik ainult siis, kui vastandame ja samal ajal ühendame need kaks mõistete süsteemi (tavaline, «meie» ja tavapäratu, «võõras») spetsiifilisel viisil. Need süsteemid 1) näiliselt välistavad teineteist (kui võõra sümbolismi teisendused); 2) mõlemad on vajalikud fenomeni adekvaatseks kirjeldamiseks; 3) mõlemad on ekvivalentseid tõe suhtes — üks ei ole tõesem ega parem kui teine;

— komplementaarne mõtlemisviis võimaldab konstrueerida erinevate rahvuskultuuride ühendamise mudeli üldnimlikus kultuuris (komplementaarne üldnimlik kultuur).

Vladimir HÜTT

NATIONAL AND (ALL-)HUMAN IN THE LIGHT OF NIELS BOHR'S COMPLEMENTARITY

The article deals with the interrelation of national cultures and the dialectics of the national and the all-human categories in the light of the idea of complementarity of the Danish physicist and philosopher Niels Bohr (1885—1962).

Alien culture and mentality is a phenomenon which demands a typical complementary method of theoretical description:

— the necessity of a primary approach from the point of view of our own (conventional, "classical") cultural tradition which, however, is inadequate to describe the symbolism of an alien culture;

— special efforts for penetration into alien symbolism and creation of an appropriate (unusual, "quantum") descriptive system;

— adequate comprehension of the phenomenon requires confrontation and unification of these two descriptive systems of the above-mentioned notions (conventional and unusual) in a complementary manner, i. e. the systems are (1) seemingly contradictory; (2) both necessary for an adequate description; (3) equivalent with respect to the truth, neither being "better" than the other.

The development of these ideas of N. Bohr's leads to such a model for the cultural unity (for the unity of national mentalities) where:

1) the co-participants do not exclude but complement one another up to the ideal "of values of national traditions" (N. Bohr);

2) each of the participants keeps its own genesis and peculiarities excluding antagonism and exclusivity;

3) the new unity leads to the "progress of human culture" (N. Bohr).

In this connection the article analyzes the idea of *sobornost'* (commonhood = a special kind of unity) put forward by the Russian philosopher V. Solovyov, and deals with the dialectics of the (all-)human and national (the latter is both the base and the "limiting" case of the former along with the idea of circular complementarity).

All this demands change of the social dialectics from the dialectics of surmounting (*Aufheben*) to the dialectics of complementarity put forward by N. Bohr when *contraria non contradictoria sed complementa sunt*.